

НА БЕРЛИН!

Я вернулась из Берлина и на следующий же день по возвращении сломала руку. Чертов гололед! Отвыкла от него в европах... Я и сейчас пишу этот текст в гипсе, глотая обезболивающие. Но если бы знала заранее, какая предстоит расплата, все равно поехала бы! Говорят, Париж стоит мессы – возможно. Берлин стоит перелома правого запястья – это точно!

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ГУТЕН АБЕНД

Ромка

Мы не виделись почти половину жизни – пятнадцать лет после окончания школы. Нашлись год назад на «Одноклассниках». Мы и есть – одноклассники. Он написал: «Будете у нас на Колыме – милости просим». Я подумала: «Что за вздор! Как я могу оказаться у них «на Колыме»?» Оказалась... В смысле, банальность о том, что мир тесен, оказалась истинной правдой, как, впрочем, и всякая банальность.

Ромка встретил меня в берлинском аэропорту «Шёнефельд» – ничуть не изменившийся за истекшие полжизни. Он уже восемь лет в Германии, и у него не совсем типичная история эмиграции – он не этнический немец, он биолог, уехал работать по контракту. По дороге из аэропорта он рассказывал о лаборатории, об опытах по очистке белков и что-то еще, сугубо научное, о ферментах. Если честно, я не вникала – меня интересовали виды за окном электрички, пусть пока и не очень привлекательные.

Окраинная, не предназначенная для туристов, оконечность Берлина не похожа на картинку из путеводителя. Как окраина любого мегаполиса, она не подслащена гляncем, тускловата и немного неряшлива. Но окраина – присказка.

Прелестная сказка странствий началась тогда, когда мы с Ромкой отыскивали «Мотель Уан» на Дирксен-Штрассе, закинули мой чемодан в гостиничный номер и отправились на прогулку по настоящему, хрестоматийному Берлину, по самому его центру и средоточию.

У каждого города запах особый

Первые впечатления – самые яркие. А еще первые впечатления о Берлине – обонятельные. Попав сюда, понимаешь: это закономерно – то, что «Парфюмера» написал немец Патрик Зюскинд, а экранизировал другой немец, берлинец Том Тыквер. Берлин – город запахов, он воспринимается «на нюх», особенно в декабре, когда, во-первых, неожиданно рано и густо темнеет, и в пятом часу небо над Берлином становится уже совершенно ночным, непроглядно черным – рассмотреть что-то толком в этих сумерках Европы довольно сложно, порою хочется вовсе закрыть глаза и, не отвлекаясь, жадно вдыхать, выпитывать вкуснейший берлинский воздух. Во-вторых и в главных, в декабре Берлин готовится к Рождеству – именно бесчисленные рождественские базарчики источают всевозможные дивные ароматы.

Пахнет печеными каштанами, свежей, пышущей жаром сдобой, коричневыми пряниками, ванилью, кофе... Разумеется, тушеной капустой. Конечно же, шпикачками. Но чаще и отчетливее всего – дурманяще и маняще, тепло и терпко – глинтвейном.

Глинтвейн варят едва не на каждом углу, продают по четыре евро за кружку. С кружкой можно уйти, а можно выпить напиток на месте, вернуть пустую посуду торговцу, и тогда получишь два евро назад. Уходят только не сориентировавшиеся в ситуации приезжие. Рачительные немцы пьют, «не отходя от кассы».

Ромка тоже возвращает наши кружки, получает денежный залог, машет рукой торговцу: «Чюс!» А мне поясняет: «Чюс!» – это нечто среднее между «Пока!» и «Всего

хорошего!» – приятельское прощание-пожелание. В предпраздничные дни, когда все друг другу приятели, этим симпатичным словечком обмениваются куда чаще, чем церемонным «Ауф видерзеен».

Прощавшись с продавцом глинтвейна, мы с Ромкой идем дальше. Лавируя в бурлящей уличной суете, не останавливаясь, широко шагаем мимо палаток с пахучей снедью, елочными игрушками и разной сувенирной чепухой. Мы спешим к священной цели.

Флаги наших отцов

Стремительно сворачиваем на очередном перекрестке – и... «Смотри! – показывает Ромка. – Вот он!» «Такой маленький?!» – изумляюсь я.

Рейхстаг разросся в российском победном сознании до размеров громадной неприступной глыбы, потому что чем громаднее и неприступнее он нам представляется, тем значимее наша Победа, и кажется, что наш флаг над Рейхстагом реял в надмирной, почти космической вышине. Значение Победы несомненно. Но Рейхстаг на поверку ничуть не глыба.

Приземистое здание выглядит насупленным и мрачным, как лицо старика, которому за долгую жизнь досталось слишком много горя и боли, и он разучился улыбаться, умеет только сердито хмурить седые брови.

Построенный в 1884-1894 годах, Рейхстаг в 1933-м серьезно выгорел при пожаре, причины которого доподлинно не установлены до сих пор, в 1945-м он был разрушен и несколько лет оставался в руинах, его даже хотели снести, но в 50-х отреставрировали, а в 90-х провели масштабную реконструкцию внутренних помещений и водрузили на крышу стеклянный купол-новодел, не очень-то гармонирующий со старинной архитектурой. Под куполом – смотровая площадка с обзором как вовне, на город, так и на зал заседаний парламента – бундестага.

Подняться на смотровую, к сожалению, не довелось – смутила длиннющая очередь. Она начинается на нижних ступенях крыльца, ведущего в здание. Томительное ожидание растягивается часа на два. «Берлинский Мавзолей», – шутит Ромка.

А флагов над Рейхстагом теперь четыре. Естественно, германские.

Сон золотой

«Взяв Рейхстаг», мы проходим между центральными колоннами знаменитых Брандербургских ворот. Когда-то проходить через центральную колоннаду имели право исключительно члены прусской королевской семьи и их гости. Сегодня все гости города стремятся пройти непременно здесь – на удачу.

За воротами пересекаем площадь Паризер-Плац и попадаем на главную улицу Берлина – Унтер-ден-Линден, что означает «Под липами». В середине XVII века курфюрст Фридрих-Вильгельм высочайше повелел благоустроить аллею для конных выездов – на аллее в шесть рядов были высажены тысяча ореховых кустов и тысяча лип. Орешник не прижился, засох, а липы разрослись во всю свою великолепную мощь – это их и сгубило: во времена Третьего рейха вековые деревья вырубали, поскольку пышные кроны заслоняли нацистские военные парады. После войны липовые саженцы посадили вновь – вернули улице ее очарование и оправдание ее названия.

Однако для нас с Ромкой Унтер-ден-Линден важна не историческим наследием и даже не принаряженными, сияющими огнями гирлянд деревцами. Мы, идя по бульвару меж дерев, вспоминаем школьные уроки немецкого – в седьмом классе нам задавали переводить тексты о достопримечательностях Берлина. И кто бы сказал, что мы вот так запросто будем прогуливаться вдоль этих самых достопримечательностей по улице из учебника немецкого языка за седьмой класс! Не знаю, как Ромка, но я начинаю сомневаться в реальности происходящего, вконец ошалев от запахов, звуков, невиданных видов, я думаю, что огоньки гирлянд на Унтер-ден-Линден мне, наверное, снятся. И это определенно лучший сон!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ИСТОРИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ

Цена покаяния

Наутро, после пробуждения, начинается официальная часть моей поездки. Я ведь в Берлине не только затем, чтобы повидаться с Ромкой. Ромка – счастливое совпадение и приятный «бонус». Сверхзадача – иная.

Международный конкурс журналистов, приуроченный к 60-летию Всеобщей декларации прав человека и озаглавленный цитатой из ее первой, основополагающей, статьи – «Все люди рождаются свободными и равными». Двенадцать лауреатов из Германии, Израиля, Польши, Украины, Белоруссии и России. Церемония награждения. У меня первая премия.

Учредитель конкурса – германский Фонд «Память, ответственность и будущее». Конкурсная программа для журналистов – это малая толика, дополнение к основной деятельности организации.

Фонд создан в 2000 году по совместной инициативе германского государства, общества и частного бизнеса прежде всего для того, чтобы выплачивать компенсации жертвам национал-социализма – подневольным работникам, узникам концлагерей, евреям, пострадавшим при холокосте, а также другим категориям граждан, чьи права и свободы были попорчены при нацизме. Выплаты продолжались в течение семи лет, полутора миллионам получателей из ста стран мира перечислили в общей сложности около пяти миллиардов евро. После чего Фонд переориентировался на поддержку гуманитарных, научных и культурных проектов, направленных на – цитата – «критическое рассмотрение европейской истории, сохранение памяти о преступлениях национал-социалистического режима и осознание исторической ответственности Германии». Обо всем этом сотрудники Фонда рассказывают нам на пресс-конференции. Мы – журналисты-лауреаты конкурса – задаем уточняющие вопросы.

Но самый острый и непростой вопрос так и не задан – задавать его неполиткорректно, не задаваться им невозможно. Какова она – цена покаяния, которую Германия готова отдать за то, чтобы перестать тяготиться комплексом исторической вины?

Россия Германией прирастать будет

Впрочем, в Берлине, как нигде, становится очевидно, что не одни немцы, но и русские также безнадежно отягощены неизбывными историческими комплексами – великодержавная гордость невольно распирает. И не только при взгляде на Рейхстаг.

В нашей интернациональной группе девятеро из двенадцати говорят по-русски, и если украинцев и белорусов – по вредной имперской привычке не считать их суверенными самостоятельными народами – воспринимаешь как должное, то поляки поражают. Магда из Гданьска, когда под вечер мы, уставшие, отяжелевшие после ужина, хотим вскладчину взять такси, чтобы побыстрее добраться до гостиницы, не лезет в карман ни за словом, ни за кошельком – смаху отвергает: «Нет! У меня нет денег! Я все пропила!» – со смешным ударением на «о». Себастиан Дуда из Варшавы, корреспондент «Польского Newsweek'a», – вообще отдельная песня, в том смысле, что поет всегда, когда не молчит, и знает чуть ли не всю советскую эстрадную классику. Послушавшись Магду, мы отказываемся от такси и загружаемся в вагон метро – Себастиан хулигански затягивает: «Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой с фашистской силой темною, с проклятою ордой». Едущие в вагоне немцы нервно вздрагивают и вжимаются в сиденья. Немцы, особенно старшее поколение, тоже понимают по-русски. И то, что великий и могучий действительно велик, могуч и вправе претендовать на роль языка международного общения, конечно, приятно – плечи расправляются.

Приятно и то, что Россия для немцев не абстрактное пятно на карте. О Сибири, к примеру, имеют вполне внятное представление. Само собой, спрашивают про морозы. Отвечаешь, дескать, нет, не так они страшны, как их малюют, минус пятнадцать, минус

двадцать всего лишь – хохочут, думают, юмор. Когда убеждаешь, что в Сибири минус двадцать и вправду не мороз, а незначительное похолодание, – смотрят с восхищением, как на сверхчеловека.

Повезло даже встретить двух немцев, не понаслышке знающих о Красноярске. Экстремал Мартин сплавлялся по Мане, лазил по красноярским Столбам. Фрау Эмма в Красноярске не бывала, но экстрима натерпелась не меньше – однажды летела «Красэйром», рейс задержали на сутки, но ничего другого она и не ждала, ведь в немецком сленге «крас» – это как в русском «капец», то есть «кошмар», «ужас». Эмма недоумевает, как таким словом можно назвать город и авиакомпанию. Искренне радуется, что «Красэйр» разорилась.

А на берлинской площади Александер-Плац Красноярск и вовсе внесен в скрижали – там стоят часы, показывающие время в разных городах мира, Красноярск среди прочих на временной шкале.

Александер-Плац, в просторечии «Алекс», называется так в честь российского императора Александра I. Российские политики, от монархов, до генсеков и президентов – такие же вершители немецкой истории, как германские кайзеры и канцлеры. И в столице Германии немало знаковых мест, связанных с Россией, подтверждающих ее безусловное влияние. Деревянная изба а-ля рюс – некогда резиденция Николая I, а ныне ресторанный комплекс «Никольское». Православный храм Святых равноапостольных Константина и Елены, построенный – буквально – на русской земле, привезенной из России по распоряжению Александра III. Мемориальный Трептов-парк, где захоронены останки пяти тысяч солдат и офицеров, павших в мае 45-го в боях за Берлин. Улица Карл-Маркс-Алле, бывшая Сталин-Алле с домами в стиле «сталинский ампир» – на ней застывшим свет мраком и мороком возвышались памятники Сталину и Ленину и на ней же снимался фильм «Гудбай, Ленин!», в котором демонтаж ленинского памятника воспроизведен практически с документальной точностью. Наконец, еще один артефакт – Берлинская стена.

Стенка на стенку

В нынешнем ноябре Германия отметит двадцатую годовщину ее сноса. Готовясь к дате, власти решили отреставрировать граффити на уцелевшем участке стены и пригласили подновить рисунки их авторов, в числе которых и московский художник Дмитрий Врубель – создатель самого известного «настенного» полотна. «Братский поцелуй» Леонида Ильича Брежнева и главы ГДР Эриха Хонекера – один из новейших символов Берлина, он миллионами копий растиражирован на футболках, открытках, календариках и магнитах на холодильнике. Обломки стены тоже прибыльный бизнес: поменьше – за пару евро, побольше – за десятку, почти все туристы привозят их из Берлина, хотя почти никто не верит в их подлинность.

Знакомый постмодернистский феномен: ушедшая эпоха распродается мелким оптом и в розницу. Тренды и бренды сезона. Роль личности, пересчитанная на наличность.

В Берлине от стены кормится целая туриндустрия. Можно всерьез – с экскурсией по тематическому музею, с посещением воссозданного пограничного контрольно-пропускного пункта, с чувством и толком. А можно хохмы ради сфотографироваться возле оставленных в назидание потомкам, разрисованных бетонных блоков, прикупить понарошечную визу – и идти, с легкостью переступая через демаркационную линию из мостовых камней, проложенную по всей сорокакилометровой протяженности стены. Даже не замечая эти камни. Не задумываясь, что раньше тут стояла неодолимая преграда. Не обращая внимания на кресты на месте гибели тех отчаянных, кто пытался неодолимое преодолеть, – мало ли в кающемся за грехи Берлине крестов.

За 28 лет существования Берлинской стены, с 13 августа 1961-го по 9 ноября 1989-го, при попытках нелегально пересечь границу между Восточным и Западным Берлином погибли 110 человек – восточногерманские пограничники стреляли на поражение. Перебежчики знали, что бегут на верную смерть. Побег был актом протеста.

Чтобы предотвратить бегство от суровой реальности, примыкающие к стене районы Восточного Берлина укрепляли, в том числе, идеологически – здесь строили элитное жилье

для самых правильных и благонадежных, для партийных чиновников и госслужащих. Берлинцы прозвали эти районы Новым Арбатом – по статусу и пафосу жителей и по архитектурному облику они похожи на Новый Арбат в Москве.

Еще недалеко от стены в Восточном Берлине в 1969 году построили 368-метровую телебашню – самую высокую в Германии и четвертую по высоте в Европе. Самый примечательный элемент конструкции – остекленный стальной шар диаметром 32 метра – спроектировали так, чтобы в ясную погоду на его исполинском покатом боку отражался солнечный блик в форме гигантского знака «плюс». В ГДР говорили: «Это плюс социализма». Собственно, башню и громоздили такую высоченную, прекрасно видную с западной стороны города, с намерением наглядно продемонстрировать Западу преимущества социалистического строя. Но на Западе телебашню пренебрежительно обзывали «телеспаржей» и, в свою очередь, грозили Востоку из-за стены «золотым пальцем».

Так горожане называли двадцатиэтажное здание переливчатого золотистого цвета. В нем располагалась крупнейшая в ФРГ медиаимперия издателя Акселя Шпрингера – редакции газет и журналов «Берлинер Цайтунг», «Бильд», «Вельт», «Моргенпост». Сам Шпрингер называл редакционное здание «маяком свободы и демократии». На световом табло на крыше – там, где сейчас транслируются анонсы журнальных статей, – в пору, когда Берлин был разъединен стеной, высвечивались антикоммунистические лозунги, хорошо различимые из окон элитных высоток на восточноберлинском Новом Арбате.

Жить по соседству со стеной в Западном Берлине, напротив, считалось не престижным. В «пристенном» западном районе Кройцберге селились маргиналы, богемные бездельники, радикальная молодежь, гастарбайтеры и прочий непотребный асоциальный люд.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. АМПЕЛЬМАН И АПФЕЛЬШОРЛЕ

Остальжи

У Кройцберга и сейчас сомнительная репутация. Добропорядочные бюргеры сюда не суются – опасаются нищеты, криминала и всяческого потрясающего основы эпатажа, такого, как, например, магазин товаров с конопляной растаманской символикой «Ханфхауз». Но хуже всего респект району портят эмигранты – в трехмиллионном Берлине и именно в Кройцберге проживает самая большая в Европе турецкая община численностью 200 тысяч человек. Турецкие кварталы – с мечетями, кальянными, рынками – неотличимы от Стамбула или Анкары и весьма тревожат истинных арийцев. Немцы из Кройцберга стараются устраивать своих детей в школы подальше от дома, потому что в школах рядом с домом ученики-турки уже в подавляющем большинстве. А на школьном дворе – сама видела – турчата играют в футбол: смуглые мальчишки, девочки в платках-хиджабах.

Западный Берлин космополитичен. Восточный – однороднее по этническому составу, консервативнее, сдержаннее по менталитету. В последнее время различия между Западом и Востоком, между «веси» и «оси» нарочно акцентируются, причем с подачи Восточного Берлина, где сильна «остальгия», схожая с российской ностальгией по СССР.

Восточные берлинцы, к примеру, не упускают случая заметить, что только по их части города ездят трамваи и только у них дорогу трамваям, машинам, многочисленным велосипедистам и пешеходам освещает Ампельман – «светофорный человечек». Этот «герр Светофорщик» совсем не таков, как стандартное схематичное изображение на западных светофорах, у него особенная стать – пластика забавного мультяшного персонажа и тщательно прорисованные шляпка, штанишки, ботиночки. Дизайнеры, придумывая его образ, ссылались на исследования психологов, которые доказали, что люди внимательнее относятся к сигналам светофора, если те вызывают положительные эмоции. С Ампельманом вместе весело шагать. Поэтому, когда после объединения Берлина западники вознамерились заменить восточные светофоры на обычные, всем и каждому привычные, Восток натурально восстал – в защиту светофорного человечка проводились массовые митинги и демонстрации. Ампельмана отстояли, и теперь он не просто регулирует движение и радует глаз, но

пополняет городской бюджет – его фигурка не только дорожный знак, но и зарегистрированный товарный: сувенирных магазинов «Ампельман-шоп» и ресторанов «Ампельман» в городе едва ли не столько же, сколько самих светофоров с Ампельманом.

Кстати, магазины на Востоке закрываются раньше, чем на Западе, уже часов в шесть-семь вечера, а в субботу сразу после обеда, по воскресеньям большинство восточных магазинов не работают – распорядок, оставшийся с гэдээровских времен.

Что до ресторанов, то западные – это кухня народов мира, на любой вкус и безвкусицу, восточные же, как правило, упорствуют в национальных кулинарных традициях, в них подают картофельный суп, клецки из капусты, сосиски, свиную рульку в пиве, а на десерт – шоколадный мусс, за который, не раздумывая, можно отдать душу культовому герою немецкой литературы – Мефистофелю. Из напитков, помимо чая и кофе, обязательно предлагают апфельшорле – смесь яблочного сока с минеральной водой – или, как вариант покрепче, вайншорле – вино с минералкой.

Две типичные немки – перезрелые, дебелие, светловолосые – видимо, глотнув вайншорле сверх меры, выплясывают под играющий в ресторане джаз. Дас ист фантастиш!

А в другом ресторанчике, в туалете, на двери с внутренней стороны кабинки – цитата из Канта: «Смех – это жизненная сила, потому что он способствует пищеварению».

Жаль только, официантов в берлинских ресторанах порою приходится ждать непростительно долго. Поездка в Берлин вообще напрочь опровергает миф о немецкой пунктуальности и педантичности – ни одно из мероприятий, заявленных в нашей программе, не начинается вовремя, постоянно возникают какие-то организационные накладки. Берлинцы, когда тактично намекаешь им на их разгильдяйство, парадоксально принимают претензию за комплимент. Они говорят: «Нам надоело, что нас считают педантами, вот мы и ведем себя наперекор. И еще имейте в виду: Берлин – это не вся Германия, точнее, совсем не Германия. Берлин – это Берлин!»

P.S. Их либе дих, Берлин!

Я была в Берлине всего три дня и, конечно, увидела, узнала, поняла лишь самую малость. На подробности не осталось времени. Не удалось побывать ни в красивейшем, похожем на Исакий, Берлинском соборе, ни на Музейном острове, ни в парке Тиргартен, ни в бомбоубежище времен Второй мировой войны. Не удалось поклониться памятнику советским солдатам. Даже монетку в реку Шпре – на возвращение – кинуть не успела. Не зашла в самый большой европейский универмаг KaDeWe. Не прокатилась на огромном, сулящем поднять в захватывающую дух высь колесе обозрения...

Но все же трех дней в Берлине оказалось вполне достаточно.

Достаточно для того, чтобы влюбиться в этот город и быть согласной пожертвовать за него свою правую руку. В конце концов, Берлин никогда не сдавался русскому человеку без боевых потерь! Гитлер капут! Аллес.

Наталья СОЙНОВА